

Юрий Бондарев

ДИАЛОГИ

О ГЕРОЯХ МНИМЫХ И ПОДАВЛЕННЫХ

Уже много лет писатель Юрий Бондарев, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий, заместитель председателя правления Союза писателей РСФСР, сотрудничает с нашей газетой, активно выступает на ее страницах, вместе с работниками редакции выезжает для встреч

с читателями. 27 и 28 сентября такие встречи состоялись в Горьковской области и городе Горьком — на знаменитом «Красном Сормове», в Государственном университете, в селе Большое Мурашкино. В них приняли участие рабочие и инженеры, студенты и школьники, преподаватели и профессора, колхозники и сельские специалисты.

Читатели вели активный заинтересованный разговор о газете, насущных проблемах жизни, о современной литературе, произведениях Ю. Бондарева и его творческой лаборатории, о предстоящем съезде российских писателей. Мы приводим лишь небольшую часть вопросов читателей и ответов писателя Юрия Бондарева.

— Юрий Васильевич, и в жизни, и на страницах центральных газет активно осуждаются негативные явления — потребительство, протекционизм, вещизм, чванство, бюрократизм, корыстная расчетливость. Но в поле зрения современной литературы они почему-то не попадают? (Студент радиотехнического университета, университет).

— Это, пожалуй, не совсем точно и не совсем так. Новая повесть Валентина Распутина «Пожар», опубликованная в журнале «Наш современник» (№ 7, 1985 г.), — лучшее тому свидетельство. Вспомню многолетние публицистические выступления Ивана Васильева (на страницах «Советской России») и Бориса Можая, Юрия Черныченко и ныне покойного Федора Абрамова — все они несли страстную, жгучую обеспокоенность этими безразличными явлениями, которые сегодня во всем нашем обществе получили резко критическое осуждение. Изжить их — дело не одного дня и не одного месяца, художественной литературе и газетной публицистике предстоит еще поработать в глубине проблемы современного мещанства. Я многого жду от нашего поистине нового времени, вступившего в свой исторический этап, который я назвал бы сугубо нравственным, и живу в состоянии надежд и оптимизма. Но все зависит от усилий всех нас вместе и от энергии каждого человека в отдельности, так, как было и на войне в самые решающие моменты сражений. Иначе бы мы не победили. Добавлю, не боясь громких слов. У нас создана великая литература о Великой Отечественной войне. Хотел, чтобы на этом уровне развивалась наша литература о сегодняшнем неоднозначном, нелегком дне.

— Почему в произведениях современных писателей исчез герой из рабочих? Почему нет новых Журбиных в литературе? Ведь в жизни они есть. (А. Зубков, «Красное Сормово»).

— Я убежден, что произведение большого звучания на эту тему может сегодня появиться только из-под пера выходца из самого рабочего класса, хорошо знающего и условия труда, и быт, и главное — коренной характер человека, производящего материальные ценности — от гигантских машин до строительного кирпича. Вообще-то герои-рабочие у нас тем не менее путешествуют по иным книгам, но они часто безлики, вялы, бесхарактерны, лишены человеческих страстей, поэтому проходят мимо нашего сознания, подобно теням и знакам. Да, сегодня в литературе нужны такие персонажи, как ваш знаменитый сормовец Петр Андреевич Заломов, описанный Горьким в романе «Мать». И это вряд ли вызывает сомнение. Одно только могу сказать: переход Заломовых из жизни в литературу — это привилегия большого писательского таланта.

— Не кажется ли вам, что в современной литературе герои, которым «ничто человеческое не чуждо» (как и Крымову в «Игре»), не могут воспитывать молодежь, как прежде воспитывал пример идеальных героев, чистых и безгрешных? Как вы смотрите на своих героев? (Преподаватель, университет).

— Павел Корчагин — идеально четкое отражение в огромном зеркале своего неповторимого времени, времени вздыбленного, бескомпромиссного, революционного, когда вспыхнула и долго шла смертельная борьба, когда каждый стоял на грани жизни и смерти, на грани «быть или не быть». Так было и с нами в годы Великой Отечественной войны. Я попытался сначала со всей жестокостью сказать об этом в «Батальонах». Но Ермаков — герой не идеальный, он — офицер честный, умный, храбрый, в самом пекле войны умеющий ценить главное — солдатскую жизнь. Он лишен аскетизма, одержимый прямолинейности. И в этом смысле он был герой своего времени. И капитан Новиков из «Последних залпов», и Кузнецов, Уханов и Бесонов из «Горячего снега», и Вохминцев и Корабельников из «Дипиньи», и лейтенант Княжко из «Берега», и Крымов из «Игры» — все они рождены своим временем и несут это время в себе. Идеальный литературный герой — конструкция мифическая, как мне кажется.

В критике я против заученных школярских формул, страдающих анемичностью отживших теорий о безупречности и химической стерильности литературных героев, далеких от «чистоты» реальности. Все дело в соразмерности и сообразности поступков персонажей в сфере мыслей, чувств, радости, боли, сострадания. Сочувствие вызывает только тот герой, который дышит вместе с нами одним воздухом, озабочен одними заботами, болеет одними болями. Вместе с тем он ищет истину и борется за нее, не щадя себя.

— Драматические, порой даже трагические характеры ваших положительных героев, особенно в последних романах — «Берег», «Выбор», «Игра», — освещены далеко не лучами надежды, оптимизма, перспектив. А поскольку мотивы этого, очевидно, надо искать в окружающей нас жизни, то неужели так серьезно, остро и злободневно стоит проблема личности? (И. Егорова, «Красное Сормово»).

— Мне не хотелось бы навязывать вам свою точку зрения, но так или иначе — я категорически против фальшивых оптимизмов, уходящих в сущности от реальных сложностей и проблем. Время фальшивых оптимизмов прошло, ибо они своим расхожим и бодро заземленным восторгом разоружали нас. А ведь мы боремся с надвигающейся опасностью новой, теперь уже мировой Хиросимы. Перед нами возникают почти неразрешимые экологические проблемы. Нас беспокоит неостановимая и очевидная утрата общечеловеческой памяти и разрушение «технологической цивилизации» древнейших памятников. Мы порой слабо связаны с памятью собственной великой и поучительной истории и еще нередко, как нерадивые ученики, совершаем ошибки, уже случившиеся в жизни нашего собственного народа. Все острее становится противостояние наших человеческих идеалов надежды крикливому воинственному рейганизму.

В такое грозное время грех писать розовые романы с лазурными снами и ясноглазыми героями. Душа литературного героя двадцатого столетия (как это не было тридцать лет назад) должна мучиться всеми проблемами своего сверхтревожного, сверхбеспокойного времени. И никакие критики не убедят меня в необходимости голубой идеализации современного советского художника, который несет особое мыслительно-созидательное состояние в этот мир, полный противоречий, несет тревогу души, способной чувствовать, отвергать и утверждать, любить и бороться. Таков дух и назначение нашего романа.

— Почему ваши бывшие солдаты и офицеры стали именно художниками — писателем Никитин, живописцем Васильев, кинорежиссером Крымов? Ведь могли они быть людьми обычных, а не избранными профессий? (В. Белов, преподаватель, университет).

— Согласен, могли бы. Но вот последние пятнадцать лет после выхода в свет романа «Горячий снег» меня интересовало познание современного мира через чувственное восприятие, через «тезу» и «антитезу», через душу чуткого и совестливого художника, близкого к философскому осмыслению бытия. И я попытался, насколько это возможно, изучить характер, обстановку, чаяния, сомнения, надежды, круг интересов, жизненную и творческую концепцию современной художественной интеллигенции... И не только настоящее ее, но и те неумирающие традиции, которые она по праву наследует.

— Вы имеете в виду традиции русской интеллигенции. Однако не торопитесь ли вы называть кинорежиссера Крымова русским интеллигентом? Что в нем традиционно национально-го? (Студент истфака, университет).

— Героизм, дерзость, человеческая широта, бесстрашие в отстаивании убеждений в мирные дни, доброта, совестливость, справедливость, чувство вины перед близкими и нежная сточеская любовь к ним. Крымов — глубоко русский, советский, в лучшем смысле порядочный, надежный в этой жизни человек. И если попытаться втиснуть его в примитивно-окостеневшую литературоведческую схему, продолжающую, к сожалению, действовать и существовать, то он — положительный герой.

— Крымов, несомненно, личность сильная, закаленная огнем войны, но почему же он гибнет? Теряет веру в себя или в людей, от которых его судьба зависит? (Р. Зеленцова, «Красное Сормово»).

— Почему вы решили, что он гибнет? У меня такого впечатления нет. Он переживает чрезвычайно трудное душевное и физическое состояние, как когда-то на фронте, состояние, близкое к смерти. Но на этой земле у него есть любимые люди — жена, дочь, друг Стишов, любимое дело и его недруги, с которыми борьба не кончилась... Нет, Крымова я не собираюсь отправлять на тот свет, это явное заблуждение опекунов ложного спокойствия, осудивших автора за «преувеличенный трагизм». В жизни многое выглядит несколько иначе и требует серьезных размышлений и активных, совестливых действий.

— А что такое совесть? (В. Романов, университет).

— Совесть, может быть, есть главное в нашем характере, без чего добропорядочный человек не может спокойно жить, четко осознавая, что боль ближнего — это его боль.

Можно ведь и предпочесть безмятежное равновесие, но, говорят, с совестливым человеком так не бывает...

— Вы часто пишете и говорите о воспитательной роли литературы в нашем обществе. Но вот парадокс: нередко можно встретить людей, которые обладают прекрасными библиотеками, искренне любят литературу, однако наделены многочисленными пороками — жадностью, скупостью, корыстолюбием, злобой, неверием в добро... Чем это можно объяснить? (Р. Воробьев, «Красное Сормово»).

— В трех последних романах я пытался выявить этот парадокс на столкновении различных людей — Никитина и Самсонова, Васильева и Колицына, Крымова и Мелочкова, проследить развитие аномалий в человеке, в его поступках, амбициях, самолюбиях, ухищрениях. В романах сказано об этом достаточно много, и вряд ли следует повторяться. Книжки и библиотеки создаются для человека, но полагают, что они забывают его от пороков и страстей, было бы, пожалуй, самонадеянно. Однако книги способны быть нравственным зеркалом, в которое порочному человеку бывает неудобно и страшно воглазнуть, как бы он ни был циничен. Кроме того, я уверен в том, что книги все-таки постепенно меняют отношение читателя к жизни. И это самое ценное.

— Не странно ли, что отрицательные герои ваших последних романов (Дроздовский, Рамзин) часто более привлекательны, чем положительные? Нередко они дают ответы на волнующие нас вопросы... (Т. Мешков, университет).

— А почему, собственно, отрицательные? Я такого решительного деления не делаю. Им бывает трудно преодолеть драматически сложившиеся обстоятельства, они теряют что-то очень важное в своей жизни, поэтому им порой свойственны скептический яд и цинизм, но так обычно сказать, что они персонажи отрицательные — значит многое нарочито упростить и, пожалуй, рискованно и схематически омертвить, молясь вульгаризаторским заветам. Они потому и отвечают на некоторые, как вы говорите, волнующие вопросы, что напряженно несут на себе остроугольную тяжесть и сложность окружающего их мира. Вспомните, через какие духовные мучения проходит умный и бескомпромиссный Андрей Волконский, освобождаясь от своего кумира Бонапарта; подумайте, как долог и мучителен был путь незабвенного страдальца Григория Мелехова к своему сыну, к своему родному дому. Почему же сегодня в литературе все должно выглядеть примитивнее, серее, проще, когда в жизни нашей время от времени возникают отношения не менее конфликтные, сложные и драматичные. Отрицание и утверждение в литературе — категории философские, они должны вбирать в себя все варианты и оттенки многослойной, многотрудной, далеко непростой жизни.

— Как вы относитесь к проблеме национального русского характера? Несут ли, с вашей точки зрения, его черты ваши герои? (П. Шулдин, аспирант, университет).

— Русский характер выдержал испытание историей, революцией, войной, достатком и счастьем мирного времени. Ему свойственны широта, чистосердечие, доброта, щедрость, самоотверженность, неистовое желание докопаться до сердцевинны истины.

Но я не закрываю глаза и на проблемы, которые стоят перед нами. Думаю, нелегкая, но посильная задача: всем народом, общими усилиями одолеть пороки пьянства. Мы еще несколько беззаботны в извечном продолжении рода человеческого — родим и растим малочисленное потомство. Подчас чувствуется и некоторое друг к другу отчуждение, стало меньше доверительности, телстоты, чем прежде мы особо дорожили. Естественно, что и мои литературные герои — дети своего времени и своего народа. Они наделены и сильными, и слабыми чертами.

Да, я всегда помню, что я и герои мои — лишь частица родного народа, слугами и выразителями которого мы являемся.

Публикацию подготовил А. ЛАРИОНОВ.